

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-262-276

УДК 82/ 821.221.18

**СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ
ПОДЛИННИКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ Л. ОЗЕРОВА (НА ПРИМЕРЕ
ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. ХЕТАГУРОВА)**

Дзапарова Е.Б.

Статья посвящена перспективному в современной филологической науке направлению – художественному переводу. Как активнейшая из форм межкультурного диалога перевод способствует взаимодействию языков, культур, вовлеченных в переводческий процесс. Через перевод читатель познает национальную картину мира, запечатленную писателем в художественном произведении.

Целью исследования является анализ русскоязычных произведений классика осетинской литературы Коста Левановича Хетагурова сквозь призму переводческого опыта известного переводчика и поэта Льва Озерова.

Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный анализ, предполагающий сличение текстов на формальном и содержательном уровнях. В ходе сопоставления разноязычных текстов (оригинала, перевода) выявляются основные переводческие решения в преодолении Озеровым трудностей, связанных со спецификой осетинского языка. На примере художественных переводов стихотворений Хетагурова «Песня бедняка», «Прощай!..», «В новогоднюю ночь», «Дума жениха» исследователем устанавливаются сходства и расхождения в подаче переводчиком лексического состава языка оригинала. В поле зрения автора статьи – проблема воспроизведения оценочной лексики, формальной организации, национальной специфики исходного текста.

Результаты. На основе проведенного анализа установлено, что переводчик местами адаптирует подлинник под вкусы своего читателя. Для этого в переводной текст вводятся лексические единицы, более характерные для русской действительности, а в подаче образа героя больше узнаваем, как кажется, психологический портрет лирического героя русской литературы. Отрадное впечатление оставляет передача образных средств, язык переводного текста местами более метафоричен. Озеровым сохранены грамматические признаки слов оригинала. При передаче формальной организации стиха в переводе наблюдается частичное обеднение концовок строк.

Область применения результатов. Результаты могут быть применены преподавателями и студентами на занятиях по теории и практике художественного перевода, а выводы использованы в разработке спецкурсов и спецсеминаров по основам переводоведения.

Ключевые слова: осетинская литература; Коста Хетагуров; Лев Озеров; художественный перевод; оригинал; лексема; единица перевода; процесс перевода.

METHODS OF REFLECTING THE ARTISTIC REALITY OF THE ORIGINAL IN RUSSIAN-LANGUAGE INTERPRETATIONS BY L. OZEROV (AS BASED ON THE WORKS BY K. KHETAGUROV)

Dzaparova E.B.

The article is devoted to a promising direction in modern philological science, i.e. literary translation. As the most active of the forms of intercultural dialogue, translation facilitates the interaction of languages and cultures involved in the translation process. Translation enables the reader to understand the national picture of the world, captured by the writer in their work.

Purpose. The aim of the study is to analyze the Russian-language works of the classic Ossetian literature Kosta Levanovich Khetagurov

through the prism of the translation experience of the famous translator and poet Lev Ozerov.

Method. *The main research method is the comparative analysis, involving the comparison of texts at the formal and meaning levels. In the course of comparing multilingual texts (original, translation), the main translation solutions in overcoming the difficulties associated with the specifics of the Ossetian language are identified by Ozerov. On the example of literary translations of Khetagurov's poems "Song of the Poor", "Farewell!..", "New Year's Eve", "The Groom's Thoughts", the researcher establishes similarities and discrepancies in the presentation by the translator of the lexical composition of the original language. The author of the article focuses on the problem of reproducing evaluative vocabulary, formal organization, national specifics of the source text.*

Results. *On the basis of the analysis performed, it was established that in some places, the translator adapts the original to the reader's tastes. To do this, the translation text introduces lexical units that are more characteristic of the Russian reality, and, as it seems, it is a psychological portrait of the lyric hero of Russian literature that is more recognizable in the presentation of the image of the hero. The transfer of imaginative means leaves a pleasant impression; the language of the translated text is more metaphorical in certain parts of the text. Ozerov preserved the grammatical features of the original words. When transferring the formal organization of the verse in translation, there is a partial impoverishment of line endings.*

Practical implications. *The results can be applied by teachers and students in classes on the theory and practice of literary translation, and the conclusions are used in the development of special courses and special seminars on the basics of translation studies.*

Keywords: *Ossetic literature; Kosta Khetagurov; Lev Ozerov; literary translation; original; lexeme; translation unit; translation process.*

В современной филологической науке вопросу межлитературных связей уделяется пристальное внимание [14]. Изучение процесса взаимодействия литератур позволяет проследить закономер-

ности развития той или иной национальной литературы и ее роль в мировом культурном пространстве. Одной из форм межлитературного диалога является художественный перевод [15]. Через перевод произведений литературы на другие языки не только открывается читателю художественный мир иноязычного писателя, но и происходит обмен опытом, заимствование тем, идей, образов.

Большую роль сыграла переводная художественная литература и в развитии осетинской литературы. Произведения русской и зарубежной классики пополняли ее сокровищницу. И, наоборот, многие произведения осетинской литературы стали доступны русскоязычному читателю.

Художественный перевод произведений осетинских авторов на русский язык особенно интенсивно протекал в 1950–1980-е гг. Творчество некоторых осетинских писателей благодаря русским переводам, минуя границы, становилось популярным в других республиках и странах. Определяющую роль в этом процессе сыграли межкультурные посредники, среди которых были не только писатели и поэты, но и профессиональные переводчики.

Активно укреплял литературные связи между осетинским и русским народами Лев Адольфович Озеров (псевдоним Льва Адольфовича Гольдберга, публиковался также под именами Лев Берг, Л. Корнев). Переводчик произведений украинских, литовских, еврейских, болгарских, армянских, грузинских поэтов в середине 1930-х годов обратился к переводам осетинской литературы. Мастер поэтического слова Л. Озеров представил русскому читателю творчество К. Хетагурова, Нигера (И. Джанаева), Г. Плиева, Гафеза (Ф. Гаглоева), Х. Плиева, Г. Кайтукова, Б. Муртазова, Д. Дарчиева, М. Цирихова, М. Дзасохова [12, с. 203-207], Ш. Джикаева, К. Ходова и др. осетинских авторов. Переводы печатались в «Литературной газете», «Молодой гвардии», «Правде», «Новом мире» «Литературной России» и в других центральных изданиях [4], [5], [6].

Л. Озеров был тесно связан с Осетией. Здесь он бывал неоднократно, ей посвятил поэтический сборник «Осетинская тетрадь» (1972) [7; 8]. Л. Озерова связывали приятельские отношения со

многими осетинскими писателями. А его дружба с поэтами Г. Кайтуковым, Х. Плиевым длилась еще со студенческих времен.

«Поднимаясь на перевал» – так называется вышедшая в 1981 г. книга Л. Озерова, куда среди прочих произведений осетинских авторов, вошли переводы из К. Хетагурова.

К.Л. Хетагуров был излюбленным поэтом Льва Озерова. По мотивам стихотворений осетинского писателя им создан цикл поэтических произведений. Отдавая должное таланту Хетагурова, Озеров перевел стихотворения «Если б запеть мне, как нарту, умело...», «Прощай!..», «Песня бедняка», «В новогоднюю ночь», «Без пастуха», «Привет», «А-лол-лай», «Дума жениха», «Синица», «Шалун», «Лето», «Зима», «Будь мужчиной», поэму «Кто ты?». Несмотря на незнание языка оригинала и работу с помощью подстрочника, Озеру удалось осуществить ряд замечательных переводов. Конечно, они не лишены недостатков. Сравнительно-сопоставительный анализ некоторых переводных текстов с оригиналами позволил нам проследить механизм перевода, выяснить, как преодолевались переводчиком трудности, связанные со спецификой осетинского языка.

При сопоставлении небольшого стихотворения К. Хетагурова «*Маæгуыры зарæг*» – «*Песня бедняка*» в переводе с оригиналом обращает внимание читателя, прежде всего, формальная организация стиха. Пример перевода первой строфы:

<i>Адамæн сæ рæсугъд уæттæ</i>	<i>У людей – простор огромных</i>
<i>Хъармæй, райдзастæй лæууыны,</i>	<i>Комнат, свет, тепло и лад.</i>
<i>Махæн та нæ сывæллæттæ</i>	<i>А у нас в пещерах темных</i>
<i>Уазал лæгæты кæуыныц... [11, с. 30]</i>	<i>Дети с голоду кричат [9, с. 15].</i>

У Коста четко в первой строфе рифмуются существительные («*уæттæ*» – «*сывæллæттæ*») и глаголы («*лæууыныц*» – «*кæуыныц*»). У Озерова при сохранении смысла всего отрывка происходит обеднение концовок строк. В переводе находим грамматические несоответствия параллельных строк как в первой строфе («*огромных*» – «*темных*», «*лад*» – «*кричат*»), так и по ходу всего переводного текста.

Расхождения находим у Озерова в подаче лексического состава второй строфы:

<i>Адамæн сæ чындзхонты хъазт</i>	<i>У людей – пиры, удачи,</i>
<i>Хæхтæ, къæдзæхтæ хæссы,</i>	<i>Свадьбы – мир вокруг поет.</i>
<i>Махæн та нæ гæдыйы уаст</i>	<i>А у нас истошно плачет</i>
<i>Мардыл кæуæгау хъуысы... [11, с. 30]</i>	<i>Над усопшим тощий кот [9, с. 15].</i>

В первой строке Хетагуров для большей художественной выразительности употребляет скрытое сравнение: у богатых танцы дружков на свадьбе сокрушают по своей силе горы. В переводе Озеров проигнорировал образное уподобление, нет и отдельных лексем: «*хæхтæ*», «*къæдзæхтæ*». Взамен единиц перевода у Озерова мы видим свой метафорический образ («*мир вокруг поет*»). Выбранный переводческий прием, как кажется, стирает в русскоязычном тексте национальную специфику отрывка. Не понял, на наш взгляд, переводчик значение сравнения «*Махæн та нæ гæдыйы уаст / Мардыл кæуæгау хъуысы...*» (с осет. «А мяуканье нашей кошки / Над усопшим словно плачь»). Соотнесенность вопля голодной кошки с плачем над умершим констатируется переводчиком как факт. Трагизм положения бедняков в переводе приобрел, как кажется, комическую трактовку: «*А у нас истошно плачет / Над усопшим тощий кот*».

Небольшие штрихи опущены Озеровым и при подаче некоторых лексем последующей строфы:

<i>Адамæн сæ цæхджын фыдтæ</i>	<i>У людей – мясные туши</i>
<i>Царей фæныкмæ тæдзынц,</i>	<i>Провисают с потолка.</i>
<i>Махмæ та хæлынбыттыртæ</i>	<i>А у нас – мышей летучих</i>
<i>Цары ахсæдтæ кæнынц... [11, с. 30]</i>	<i>Крылья виснут, – вот тоска [9, с. 15].</i>

Переводчик меняет и конструкцию последнего стиха, но при этом образ нужды им передан объективно.

Отрадное впечатление оставляет перевод следующего фрагмента:

<i>Адамæн сæ фæзæдджы куыст</i>	<i>У людей не смеет за год</i>
<i>Не 'ссы афæдзмæ куырой,</i>	<i>Мельница зерна поток.</i>
<i>Махæн та нæ афæдзы мызд –</i>	<i>А у нас достатка на год –</i>
<i>'Гасей цу хоры кæфой!.. [11, с. 30]</i>	<i>Лишь один зерна совок [9, с. 15].</i>

В стихе перевода воспроизведен лексический состав оригинала. Лишь в первой строке денотативный компонент в переводе репре-

зентирован метафорическим – «зерна поток». В целом переводчиком сохранены средства первичной образности – передан контрастирующий мир двух социальных слоев. Строчическая анафора в переводе сохранена. Что касается перекрестной рифмы, то не везде она четко выражена, как, впрочем, и у осетинского поэта.

План выражения другого известного стихотворения К. Хетагурова «Хæрзбон» [11, с. 28] – «Прощай» [9, с. 14] в переводе местами представлен частичными эквивалентами. Одно из самых проникновенных стихотворений о трагизме любви и предстоящей разлуке в осетинской литературе на русском языке получило иное поэтическое и смысловое звучание.

Первая строфа знакомит читателя с обликом лирического героя:

<i>Ифтонг хызынаей, лæдзæггаей, æрчътаей,</i>	<i>Всем снаряжен я: арчита, котомка,</i>
<i>Скодтон уæрдаггаей дзыхъыннауæг рон,</i>	<i>Пояс из прутьев скрутил я, как мог,</i>
<i>Ис ма цыдартæ ма карцы</i>	<i>Палка со мною, в отрепьях шубенка...</i>
<i>фæдджитæй...</i>	
<i>Дард у ма фæндаг... Зæгъын дын:</i>	<i>Впору прощаться нам... Путь мой</i>
<i>хæрзбон!..</i>	<i>далек...</i>

Пословное сличение лексического состава обоих текстов наметило следующие расхождения оригинала с переводом. Главный герой, отправляясь в далекий путь, на пороге разлуки с возлюбленной произносит: «Хæрзбон!» – «Прощай!». Лаконичное оформление мысли и в то же время звучащий трагический подтекст у Озерова получили вполне обтекаемое истолкование «Впору прощаться нам...», более характерное для употребления в контексте русской действительности. Отрадное впечатление оставляет стремление переводчика сохранить слова-реалии «арчита», «котомка», «уæрдаг» – «пояс из прутьев», «карцы фæдджи» – «в отрепьях шубенка». В последнем примере автор акцентирует внимание на рваном подоле героя-скитальца, переводчик же с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса стремится вызвать к нему жалость.

Через внешний облик автор далее переходит к описанию душевного состояния героя и возлюбленной перед разлукой.

В переводе второй строфы наблюдаются расхождения в подаче целых смысловых конструкций:

*Рагхей мын «ацу» дае цаестангас дзуры, «Прочь!» – ты давно говорила глазами,
Рагхей дае кодтон мае уындаей таерсын; Взглядом тебя я пугаю давно.
Зонын, дае зердае куыд ризы мае цуры, Сердце твое я услышал и замер:
Хъусын ныр дæр ма йæ сусаг хъæрзын... Стон потаенный мне слышать дано.*

Давно мне «уходи» твой взгляд говорил,
Давно тебя пугал своим обликом (внешним видом),
Знаю, как сердце твое трепещет возле меня,
Слышу и сейчас еще его тихий стон...

(подстрочный перевод наш – Е.Дз.)

С первой же строки несоответствия в семантике слов очевидны. Трепетное отношение героя к возлюбленной в хетагуровском оригинале демонстрируется номинативными единицами с соответствующим значением. В переводе Озерова лексико-семантические варианты «*прочь!*», «*взглядом пугаю давно*», «*говорила глазами*» (вместо «*твой взгляд говорил мне*»), «*сердце твое услышал*» выбиваются, как кажется, из стилистики всего хетагуровского текста, узнать за ними Коста невозможно. Лирический герой гордо прощается с возлюбленной, а у Озерова он вызывает лишь жалость.

Неточная рифма в переводном отрывке («*глазами*» – «*замер*», «*давно*» – «*дано*») компенсирована фонетическими средствами: повтором звуков – сочетанием согласного [з] и гласного [а] звуков в конце первой и третьей строки: «*глаЗАми*» – «*ЗАмер*».

Последующая строфа содержит идиоматическое выражение «*мае хур*» («*Гъеныр хæрзбон, мае хур!*...», с осет. «А теперь прощай, мое солнышко!»). Обращение к возлюбленной столь национальным символом в переводе получило следующую интерпретацию: «*свет мой, прощай!*». Ассоциативное поле, образуемое выражением «*мае хур!*» в осетиноязычном тексте, в переводе сохранено близким по значению словосочетанием. Передаваемый Озеровым поэтический образ в рамках другого языка, русского, аналогично вводит нас в глубоко-интимный мир лирического героя. Совсем по-иному интерпретирует перевод данной фразы исследователь И.М. Дзахов, в частности, он пишет: «В переводе Л. Озерова «Свет мой, прощай!»

придает стихам какую-то надрывность, даже истеричность, уж не говоря о том, что стихи русифицируются» [3, с. 119].

Переводческой удачей Озерова, на наш взгляд, является сохранение стилистического рисунка следующих отрывков в 4 и 5 строфах: «**Чи зоны, искуы аерыфта даэ зардыл... / Чи зоны, искуы куы уайа даэ цаестыл...**» – «**Может, припомнится вдруг, как в тревоге... / Может, приснится тебе, как в дороге...**», «**Исчи та исы йаэхима даэ рынтæ, / Исчи дын хъары нывондаен йæ сæр...**» – «**Кто-то возьмет на себя твои беды, / Кто-то отдаст свою жизнь за тебя**». Уловим взглядом читателя сохранение переводчиком в строках рефрена (*может... может / кто-то... кто-то*). Обращает внимание реципиента и употребление в осетинском тексте идиом «*рынтæ исын*» (осет. «даэ рынтæ бахæрон», с осет. «взять на себя твои болезни»), «*хъары нывондаен йæ сæр*» («раттын нывондаен йæ сæр», с осет. «отдать себя в жертву»). В переводном тексте Озеров не стал искать в переводящем языке полноценные соответствия фразеологическим единицам [1, с. 87–90], [2, с. 115–123], а передал их семантическое ядро [13, с. 25–28].

Местами лексические расхождения наблюдаются и при передаче единиц перевода последней строфы:

<i>Хонын амбалаен на фыдбылыз мема, —</i>	<i>В спутницу кличу судьбу нашу злую,</i>
<i>Тагъддаер ма балцаен йæ фæстаг кæрон</i>	<i>Может быть, с нею пойду я за край</i>
<i>Уый «фæндарастæй» кæд ссарин æз йема..</i>	<i>Жизни, и с нею же гибель найду я...</i>
<i>Ма фæфæсмонка!.. Хæрзбон у, хæрзбон!..</i>	<i>Не убивайся!.. Прощай же, прощай!..</i>

Вполне искомые варианты в русском языке словам оригинала «*фыдбылыз*» (несчастье, беда), «*фæсмон кæнын*» (раскаиваться, сожалеть) не нашли своего денотативного отражения у Озерова. Если словосочетание «*судьба злая*» может отдалено заменить единицу в оригинале, то почти истеричное и надрывное «*не убивайся!*» выбивается из семантического рисунка переводного отрывка. В заключительных аккордах стихотворения циклично, как и в первой строфе, звучит мотив расставания («*Хæрзбон у, хæрзбон!..*»). В этом случае переводчик не стал русифицировать текст, а переводит в той же эмоциональной тональности «*Прощай же, прощай!..*».

Образ возлюбленного создан К. Хетагуровым и в стихотворении «*Ногбон ахсаевы*». И здесь звучит мотив тоски; поэтом отражено желание лирического героя встретится с любимой девушкой в новогоднюю ночь. В стихотворении отчетливо прослеживается фольклорное начало, на это наталкивает читателя уже первая строфа:

<i>Тæхуды, ныр уæ къæсарæй</i>	<i>Когда б с порога песнею</i>
<i>Куы базарин æз дæр:</i>	<i>Я обратился б к вам:</i>
<i>«Хæдзаронтæ, хæдзаронтæ,</i>	<i>«Хæдзаронта, хозыева,</i>
<i>Уæ сæрвæлтау ма сæр!»</i> [11, с. 232].	<i>За вас я жизнь отдам!»</i> [9, с. 15–16].

Стихотворение К. Хетагурова сближает с народной песней, а во второй половине строфы мы видим прямую цитату из новогодней песни: «*Хæдзаронтæ, хæдзаронтæ!*». Озеров при переводе механически переносит в свой текст первую фразу и тут же следом, отказываясь от повтора, объясняет ее смысл читателю как «*хозыева*». В переводе строфы, несмотря на некоторые смысловые расхождения, частично сохранены грамматические особенности слов оригинала: отображено желательное наклонение глагола «*базарин*» (запел бы) – «*обратился б*», междометие «*тæхуды*» (о, когда бы; о, если бы) [10, с. 160–165] заменено частицей «*когда б*», ярко выражающей желание героя, передана морфологическая категория лица (1 лицо). Переводчик, следуя формальным признакам оригинального стиха, во всех строфах в первой и третьей строках игнорирует рифму (АБВБ).

В переводе последующих строф Озеровым передан лиризм повествования:

<i>Æназвæг куы рауаис</i>	<i>Когда бы ты на голос мой</i>
<i>Уæ уазæджы хъæрмæ!..</i>	<i>Вдруг вышла на порог,</i>
<i>Мæ иу цæстæй куы бакæсин,</i>	<i>Чтоб на тебя одним глазком,</i>
<i>Мæ хуры хай, дæума!</i>	<i>Мой свет, взглянуть я смог.</i>
<i>Хæстæгдæр мæм зæрдæууæнкæй</i>	<i>Когда бы ты явила мне</i>
<i>Куы равдисис дæхи...</i>	<i>Улыбку чистоты,</i>
<i>Дæ мидбылты куы бахудис,</i>	<i>Когда бы ты с доверием</i>
<i>Куы зæгъис: «Чи дæ, чи?»</i> [11, с. 232]	<i>Спросила б: «Кто же ты?»</i> [9, с. 15–16]

Лексические и семантические варианты Озерова передали картину любовных переживаний героя, связанных с желанием увидеть возлюбленную. Отношение лирического героя к девушке интерпретировано переводчиком с помощью равнозначных оценочных средств: «*мой свет*», «*улыбка чистоты*». Однако в переводе последней строфы у Озерова больше импровизации в подаче лексического строя оригинала.

<i>Дæ къухмæ дын куы февналин</i>	<i>Тогда бы, взявши за руку,</i>
<i>Куы загъгин: «Гъей, чызгай!</i>	<i>Сказал тебе в ответ:</i>
<i>Йæ царды йас дæу чи уарзы,</i>	<i>– В тебя влюбленный, любящий, –</i>
<i>Гъеуый, мæ хуры хай!»</i> [11, с. 232].	<i>Тот самый я, мой свет!</i> [9, с. 16].

Разнится эстетическое восприятие осетинским и русским читателем оборотов: «*взявши за руку*», «*в тебя влюбленный, любящий*». По осетинскому этикету юноша не мог так явно проявлять свои чувства к девушке. Тогда как герой Коста более сдержан в эмоциональном порыве: «*твоей руки коснулся бы*», «*наравне со своей жизнью кто любит тебя*».

Вариацией на эту тему является другое переводное Озеровым стихотворение Хетагурова «*Усгуры мæт*» – «*Дума жениха*». В переводе этих строк больше узнаваем, как кажется, психологический портрет лирического героя русской литературы. Передавая чувства восторга и очарования героя, Озеров за строками перевода стирает лицо автора.

Приведем пример первой строфы:

<i>Мæ хуры хай,</i>	<i>Моя краса,</i>
<i>Рæсугъд чызгай,</i>	<i>Огни-глаза...</i>
<i>Куы нæ дæ фæттаин, бæргæ!..</i>	<i>Тебя мне лучше б не встречать!</i>
<i>Дæ хъазынмæ,</i>	<i>С красой такой,</i>
<i>Дæ зарынмæ</i>	<i>С такой игрой...</i>
<i>Кæм лæууы иунæджы зардæ!..</i> [11, с. 226].	<i>Как одинокому молчать?!</i> [9, с. 18].

Частичка моего солнца,
Красавица-девушка,
Лучше б тебя не увидел!..
С твоей игрой,
С твоим пением
Как устоит сердце одинокого!..

(подстрочный перевод наш – Е.Дз.)

Как легко заметить, при сохранении эмоциональной картины оригинального стиха, в переводе наблюдаются лексические расхождения. Язык переводных отрывков местами более метафоричен: так, у Коста Хетагурова отсутствуют близкие параллели русским «огни-глаза», «моя краса». И, наоборот, в последнем стихе строфы отсутствует ярко выраженный фразеологизм «*Кæм лæууы цунаджы зардаæ!..*» (досл. с осет. «Как устоит сердце одинокого!..»). Тем самым за счет лексических изменений меняется этнокультурный фон переводимого текста.

Во второй строфе перевода отсутствуют явные смысловые расхождения. Лишь при создании портрета героини переводчиком указана дополнительная черта в ее внешности (*Дæ дзыхы дзырд – Глаза твои, / Слова твои*), совершенно органично вписывающаяся в контекст:

<i>Дæ дзыхы дзырд</i>	<i>Глаза твои,</i>
<i>Æнæ рæдыд</i>	<i>Слова твои</i>
<i>Ныццавы зардагъы кæрон!..</i>	<i>По сердцу бьют, и все больней.</i>
<i>Цы кандзынæн,</i>	<i>О, как мне быть?</i>
<i>Куыд цардзынæн</i>	<i>Как дальше жить?</i>
<i>Æнæ дæу, амæттаг дын уон! [11, с. 226]</i>	<i>Мне стать бы жертвою твоей... [9, с. 18]</i>

Озеров подобрал близкие по своей эмоциональной окраске слова, передающие одновременно и симпатию, и глубокие переживания лирического героя.

Таким образом, проанализированные стихи Коста в переводе Озерова вполне отчетливо демонстрируют его переводческий метод. Нередко переводчик прибегал к прагматической адаптации текста. Переводческие решения Озерова, как представляется нам, уводили местами стихи Коста Хетагурова от национальных корней. Для этого переводчиком использовались выражения, характерные русской культуре и языку. Поэтическое прочтение стиха оригинала у Озерова достигается там, где переводчик отрывается от буквы, забывает о необходимости найти эквивалент.

Список литературы

1. Гутиева Э.Т. Проблемы перевода фразеологических единиц в лексикографической практике // Всероссийские Миллеровские чтения. Владикавказ. 2018. № 6. С. 115–123.

2. Дзапарова Е.Б. Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (24). С. 87–90.
3. Дзахов И.М. О переводах «Осетинской лиры» Коста. Владикавказ: Ир, 1996. 159 с.
4. Озеров Л. Коста Хетагуров. Завет. Новые переводы // Москва. 1973. №5. С. 166.
5. Озеров Л. Коста Хетагуров // Дон. 1974. №2. С. 124.
6. Озеров Л. Лиризм Осетии // Книжное обозрение. 1974. №25. С. 2.
7. Озеров Л. Милы нам звуки осетинской лиры // Осетия в русской литературе. Орджоникидзе, 1963. С. 430-435.
8. Озеров Л. Осетинская тетрадь. Книга стихов. Орджоникидзе: Ир, 1972. 173 с.
9. Озеров Л.А. Поднимаясь на перевал. Орджоникидзе, 1981. 181 с.
10. Парсиева Л.К. Непроизводные междометия: проблемы перевода // Известия Российского педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №59. С. 160-165.
11. Хетагкаты Къоста. Ирон фæндыр. Дзæуджыхъæу: Ир, 2002. 271 ф.
12. Хозиев Б.Р. Соотношение формы и содержания в переводах четверостиший Музафера Дзасохова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2010. № 1. С. 203–207.
13. Чумакаев А.Э. К вопросу о национально-культурной специфике фразеологизмов (на материале алтайского и русского языков) // Сибирский филологический журнал. 2011. №4. С. 25–28.
14. Wagner J. Multilingual and Multimodal Interactions // *Applied Linguistics*. 2018. Vol 39. Issue 1, pp. 99–107. doi.org/10.1093/applin/amx058
15. Ringbom H. Borrowing and Lexical Transfer // *Applied Linguistics*. 1983. Vol. 4. Issue 3. Autumn, pp. 207-212. doi.org/10.1093/applin/4.3.207

References

1. Gutieva Je. T. Problemy perevoda frazeologicheskikh edinic v leksikograficheskoj praktike [Problems of translation of phraseological units in lex-

- icographical practice]. *Vserossijskie Millerovskie chtenija*. Vladikavkaz, 2018. Vol. 6, pp. 115–123.
2. Dzaparova E.B. Osobennosti peredachi v hudozhestvennom perevode frazeologicheskikh edinic s jarko vyrazhennoj nacional'noj specifikoj [Features of the transfer in the literary translation of phraseological units with pronounced national specificity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. Vol. 6-2 (24), pp. 87–90.
  3. Dzahov I.M. *O perevodah «Osetinskoj liry» Kosta* [On the translations of the “Ossetian lyre” by Costa]. Vladikavkaz: Ir, 1996. 159 p.
  4. Ozerov L. *Kosta Hetagurov. Zavet. Novye perevody* [Costa Khetagurov. Covenant. New translations]. Moscow, 1973. Vol. 5. P. 166.
  5. Ozerov L. *Kosta Hetagurov* [Costa Khetagurov]. Don, 1974. Vol. 2. P. 124.
  6. Ozerov L. Lira Osetii [Ossetian lyra]. *Knizhnoe obozrenie*, 1974. Vol. 25. P. 2.
  7. Ozerov L. Mily nam zvuki osetinskoj liry [The sounds of the Ossetian lyre are sweet to us]. *Osetija v russkoj literature* [Ossetia in Russian literature]. Ordzhonikidze, 1963, pp. 430–435.
  8. Ozerov L. *Osetinskaja tetrad'*. *Kniga stihov* [Ossetian notebook. Book of poems.]. Ordzhonikidze: Ir, 1972. 173 p.
  9. Ozerov L.A. *Podnimajas 'na pereval* [Climbing the pass]. Ordzhonikidze, 1981. 181 p.
  10. Parsieva L.K. Neproizvodnye mezhdometija: problemy perevoda [Non-derivative interjections: problems of translation]. *Izvestija Rossijskogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 2008. Vol. 59, pp. 160–165.
  11. Khetagurov Costa. *Osetinskaja lira* [Ossetian Lira]. Vladikavkaz: Ir, 2002. 271 p.
  12. Hoziev B.R. Sootnoshenie formy i sodержaniija v perevodah chetverostishij Muzafera Dzasohova [The ratio of form and content in translations of the quatrain of Muzafer Dzasokhov]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova*, 2010. Vol. 1, pp. 203–207.
  13. Chumakaev A.Je. K voprosu o nacional'no-kul'turnoj specifike frazeologizmov (na materiale altajskogo i russkogo jazykov) [On the issue of

- national-cultural specificity of phraseological units (on the material of Altai and Russian languages)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2011. Vol. 4, pp. 25–28.
14. Wagner J. Multilingual and Multimodal Interactions. *Applied Linguistics*, no 39 (2018), issue 1: 99–107. doi.org/10.1093/applin/amx058
15. Ringbom H. Borrowing and Lexical Transfer. *Applied Linguistics*, no 4 (1983), issue 3, autumn: 207–212. doi.org/10.1093/applin/4.3.207

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Дзапарова Елизавета Борисовна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»
проспект Мира, 10, Владикавказ, РСО-Алания, 362040, Российская Федерация
l-dzaparova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dzaparova Elizaveta Borisovna, Senior Researcher, Candidate of Philology
VI. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences
10, Avenue Mira, Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, 362040, Russian Federation
l-dzaparova@mail.ru
SPIN-code: 4247-3309
ORCID: 0000-0002-1388-0268
Researcher ID: H-9331-2016